

ОБЛИК ПОКОЛЕНИЯ

рого суд над собой и уважение к себе всегда тесно зависят от суда и уважения коллектива.

МЫ вызвали на мирное соревнование старый заокееанский мир. Что же мы, советские люди, вносим в него на сорок третьем году Великой Октябрьской революции, какие новые качества нашего народа, какая новая степень сознания нашей передовой интеллигенции, какие новые открытия и в каком направлении дадут нам лучшее оружие в этой большой борьбе? Вопросы сводятся, в конце концов, к одному ответу, выражаемому даже не словами, а прежде всего — делом: заглянем глубоко в глаза, лицом к лицу, зрочки в зрочки, нашему новому поколению, — какое оно? Ведь именно это поколение призвано решать поставленную нами задачу. Именно в нем суммируются новые человеческие качества, от которых зависит наша победа. Именно в него, год за годом, каждый из нас, — в цехах и в поле, в шахтах и над облаками, в книгах, симфониях, картинах, скульптурах вкладывал, — отсеивая и собирая, уча и мечтая, открывая и утверждая, — черту за чертой образ нового человека. Ведь если мы стоим сейчас у порога Грядущего, они, наша смена, войдут в Грядущее, создадут его и будут в нем жить, как мы живем в сегодняшнем дне.

Итак, каковы они, наши nasledники, наша смена?

Оговорюсь перед читателем: речь идет не об анализе хорошего и дурного, не о перечислении различных интересов у молодежи, положительных и отрицательных, с уклонами в чуждый нам, отравительный мир прошлого. Речь вообще не идет о чем-то единичном, изолированном, взятом, как отдельный факт. Представим себе капли дождя. Они падают каждая порознь, одна вкривь, другая прямо, одна мелкая, другая крупная, — и если б вообразить себе дождь только по характеру этих отдельных капель, то — вообще не увидишь дождя. Но капли сливаются в водный поток; и он, шумя и звеня, течет сильной струей по земле, создавая единое, мощное движение; и в этом бурном потоке вы видите душу дождя, его слитную сущность. Так вот какова слитная сущность нашей новой смены, направление соединенных ее усилий?

Хочется прежде всего ответить: в самом вопросе лежит первая разгадка. Можно ли представить себе в старом капиталистическом мире рождение целого поколения людей, как слитную волну, решающую единую общую задачу единством соединенных усилий? Нет, нельзя. Можно сказать о некоторой, правда — наибольшей части тамошней молодежи, как преследующей одну цель: найти работу, чтоб прокормиться; это отражает истинное положение вещей. Но дальше? Соединяет ли эта молодежь свои усилия и направляет ли их на одно и то же, чтоб добиться цели? Нет, наоборот, разобщает их и кидает в самые разные стороны, и больше того: чтоб достичь цели, найти кусок хлеба, она должна разобщаться, должна искать не сообща, не в одном месте, а в борьбе, в соперничестве, в отрыве друг от друга. И вот первое, основное, что можно назвать великой силой нашего нового поколения, — это **направленность** его на одну задачу с соединением всех индивидуальных усилий в могучее единство цели. Ну как поспорит с этим капитализм?

Мариэтта ШАГИНЯН

□ □

Ведь тут, навстречу его разрозненности и разобщению интересов, встает огромная волна сплоченности и общности, — не потому, что люди это «выдумали» или кого-то «слушают», а потому, что это лежит в сущности нового строя жизни, заложено в самой природе нашего нового общества и не «выполняется», а просто **выявляется**.

Было ли так всегда у нас? Нет, это родилось, как зародыш нового, сорок два года назад. И мы, счастливые старики, видевшие зрячими глазами крутой поворот истории, рост и созревание социализма, мы знаем, как все сорок два года вынашивалось, выпестовывалось, укреплялось это единство и гениальными мыслями Макаренко о роли коллектива в воспитании индивидуума; и лучшими традициями комсомола, где эти мысли превратились в методику отношения друг к другу, в фундамент суда и оценки поведения товарищей; и на любом посту, на любой службе, в любом сложном столкновении, в формах самоотдачи, творческого труда, жажды творить и создавать. Мне довелось множество раз видеть, как партия воспитывала нового человека, не вкладывая ему что-то разжеванное в рот, а лишь любовно **выводя наружу** те тенденции в развитии характера, какие заложены были в самом нашем общественном строе; иначе говоря — выводя наружу новые ростки **связи человека с его обществом**.

Об одном из таких примеров мне хочется рассказать читателю. Дело было в самом начале 30-х годов. Я оказалась в одной палате санатория с уже не молодой фабричной работницей, грамотной, культурной, заботившейся даже на отдыхе о своих фабричных делах. Как-то вечером, когда мы засиделись с ней допоздна и обоим не спалось, она стала откровенной и поведала мне удивительную страничку из своей жизни. Восемь лет назад эта красивая и культурная работница была неграмотной, несчастной, вечно в грязи, растрепанной и оборванной женой пьяницы-рабочего, который бил ее по субботам, после получки, смертным боем. Не видя впереди никакого просвета, она попросила свою соседку написать за нее письмо в Центральный Комитет нашей партии. Диктовала и плакала, а письмо было такое: вот, в вашей стране рабочих и крестьян я, простая работница, живу в семейном аду, терплю побои, детишки голодают, муж пьет — это ли называется социализмом? Написала, отправила, ждет со стиснутым сердцем неделю и вторую ответа; и вдруг — ее вызывают в райком. Идет она туда ни жива, ни мертва, ну, думает, что теперь мне будет? А ее в райкоме принимает серьезный и внимательный человек и говорит ей: «Мы получили ваше письмо и просим вас сказать нам: чего вы хотите?» Женщина встрепенулась, но серьезный человек положил свою руку ей на руку и медленно проговорил: «Нет, только не торопитесь. Не надо сейчас отвечать. Пойдите домой, сядьте и подумайте: чего вы хотите, чтоб мы для вас сделали, но только ответьте, чего вы **сами**, именно вы, хотите, и

не так сразу, а действительно хотите». Он это выразительно подчеркнул и отпустил ее домой.

Она прибежала и, не удержавшись, все рассказала мужу. Тот был трезв. Вскочил с места, обрадовался и закричал: «Ай да умница! Нечего долго думать, иди, беги, проси 500 рублей!» А деньги им были в это время до зарезу нужны — на топливо к зиме, на пальтишки детям. Но когда муж ушел на радостях в пивную, она в райком не побежала, а села думать. Товарищ в райкоме так настоятельно ей советовал сразу не решать, а сесть и подумать, чего она **сама** хочет. Сама хочет! А хочется ли ей 500 рублей? Ну, деньги будут, потратятся они, а дальше что? И ей-то самой от этого разве легче? Думала она думала, пошла в райком и сказала: «Помогите мне, чтоб я могла поучиться и на фабрику попасть». Детей ее поместили в ясли, самой дали путевку на курсы... «И вот теперь я, как видите, — человек, и дети кончат девятилетку», — закончила она свою повесть.

Очень, очень часто вспоминала я в эти годы ее историю. Работа нашей партии над новым человеком, над молодежью была особой формой воспитания: она пробуждала в них более высокую степень сознания своих интересов, своего «хочу», своей личности, — делала их более сознательными, а значит, и более свободными.

Что же может противопоставить капитализм, его волчья система воспитания человека этому высокому искусству выраживания новых, независимых людей, понимающих, в чем подлинный их интерес и подлинная польза? Когда нам говорят наши идейные противники, что у них «свободный мир», а у нас, в странах социализма, — «мир диктатуры», мне всегда хочется ответить улыбкой, — так бесконечно наивно и узко их представление и о «свободе», и о «диктатуре». И здесь хочется опять привести пример, на этот раз о свободе.

Одна очень умная советская мать сказала мне как-то: «Нас в детстве воспитывали, что, мол, где бы ты ни был, боженька все видит. И это до некоторой степени сдерживало нас от плохих поступков, хотя и очень слабо. А вот теперь я говорю моим детям: «Если ты остаешься один в комнате, ты все делай так, как если бы на тебя смотрели и знакомые, и незнакомые». Мой сын мне ответил: «Мамочка, но ведь все равно никто не узнает, если я что-нибудь нехорошее сделаю, ведь никого же на самом деле в комнате не будет». Я ему ответила: «Как это так — никого? Один-то ведь будет — **ты сам**. А перед собой ответить куда трудней, чем перед другими».

Эта замечательная советская мать апеллировала в сущности не к одинокому «я» своего сына, а к тому человеческому «я», которое тесно связано со своим обществом и для кото-

Вот в этом, в отсутствии «одинокого» человека, изолированного человека и заключаются корни нашей социалистической свободы. Мы ее лишь тогда чувствуем, нашу великую свободу, как воздух, как счастье, как условие существования, когда можем не стыдиться самих себя, испытывать уважение к себе, гордо нести свою голову на плечах, потому что не погрешили против своей правды, своего коллектива, своей Родины и, значит, своей совести. Нет и не может быть никакой внутренней свободы, если человек **стеснен сознанием вины**, падением собственного уважения к себе, осуждением себя за проступок против совести или бездействие, когда все другие действуют. Суд новой, выработанной десятилетиями, социалистической совести — вот, в сущности, та самая «диктатура», которая так устрашает капиталистический мир, — но ведь это **нравственная диктатура общественного человека над самим собой**.

Можно на тему, поставленную мною в начале этой беседы с читателем, ответить множеством самых блестящих положений и цифр, с которыми мы идем навстречу грядущему. Можно перечислить ему гениальные прозрения советской науки. Но мне хотелось указать на другое, на то, что служит niezbлемым фундаментом наших успехов и в труде, и в науке, и в искусстве, — на выросшую нравственную требовательность нашего нового общества, на высокую степень того сознания, какое диктует каждому новому человеку его суровую самооценку. Этой силой не победить никакой другой силой. Именно эта сила зажала любовью сердца миллионов людей к Ленину, она сияла в делах вождя революции сквозь тюремные стены и решетки, она заставляла даже врагов уважать коммуниста, к светлому имени которого никогда не смеет лепиться ничто презренное, ни корысть, ни подлость, ни предательство, и она пронизывает сейчас нашу всенародную волю к миру.

Дорожа, как величайшим сокровищем, нашей социалистической совестью, растя и укрепляя ее в молодежи, мы смотрим на наше грядущее, как на победу новой великой человечности.

Узвещания 13.XI.59г.